

ЭКСПЕРТ

Евгений Ясин: Нам беднеть ни к чему

Научный руководитель Высшей школы экономики — об экономическом кризисе, санкциях Евросоюза и налоговых льготах

Людмила Максимова

— Вы как-то упомянули, что экономический кризис, который мы переживаем сегодня, начался 40 лет назад. Неужели мы до сих пор не можем выбраться из него?

— Кризис, который начался много лет назад, не российский. Это довольно большое изменение в мировой экономике, которое происходит вследствие смены индустриальной эры на инновационную. В течение длительного времени индустриальной эры мир пользовался дешёвыми полезными ископаемыми. Затем тенденция поменялась, и полезные ископаемые начали дорожать. В качестве примера можно привести 1973 год, когда в четыре раза повысились цены на нефть — с \$2-3 до \$12. Этот год является определённой границей. Именно с тех пор начался переход к инновационной эпохе. Это был единственный выход.

Наука, инновации резко повышают свою роль в развитии экономики, а значение сырья снижается. Мировая экономика сразу к подобным изменениям не в состоянии приспособиться, и мы все вместе несём убытки.

— То есть выход из кризиса возможен только совместный?

— Никак не получается это общее изменение, которое открыло бы возможность таких крупных подъёмов экономики, которые были характерны для последней трети XX века. Мы переживаем это, участвуем в этом.

Было время, когда были низкие цены на нефть, потом были более высокие цены на нефть. Сейчас мы ещё этим пользуемся, а что будет дальше — не знаем. Найти своё лицо в этих условиях — довольно тяжёлая задача, особенно у тех стран, в которых проходят какие-то трансформационные процессы. А у нас как раз после перехода от плановой экономики к рыночной перестроенные процессы имели место и должны были иметь. Пока мы своего ответа не нашли.

— Каким же образом Россия может найти «своё лицо»?

— Когда цены на нефть стали быстро расти, мы получили «тучные годы» — с 2003-го по 2008-й. У нас были высокие темпы роста, мы обладали свободными финансовыми ресурсами. Это время кончилось.

Мы должны выйти на какие-то сценарии, которые бы обеспечивали более высокие темпы экономического роста в России, чем те темпы, которые дают развитые страны. Значит, мы должны были бы иметь больше 2% экономического роста в год. И собственные источники, которые открывают возможность развития российской экономики более высокими темпами. Пока у нас таких перемен нет.

Каждая страна выбирает свою политику. Нельзя сделать так, чтобы у всех были одни рецепты. Но, скажем, проблема кризиса, то, что идёт процесс перехода к механизмам, которые дают

большую и более эффективную массу ресурсов, инноваций, которые мы можем использовать, — это факт. И мы его добиться не можем, потому что та политика, которая была ранее выбрана, основывалась на высоких темпах роста цен на нефть. Сейчас мы не видим этого высокого роста. Возникают проблемы, и они требуют более капитальных, глубоких перемен. Этого нет. Пока нет.

— Что этому мешает?

— Это связано с политическими моментами. Вот, скажем, моё представление: при существующей в России власти глобальные изменения не произойдут.

Скажем так: сейчас власть привязана к тем методам, которые обеспечивают ей прочное положение. Если были бы какие-то методы, которые сулили бы подъём экономики и одновременно не создавали бы опасности для власти, эти методы могли бы быть реализованы. Но получение более высоких результатов связано с тем, что вы должны развивать экономику, усилить позиции предпринимательства, создать какую-то более демократическую среду, где возможности населения контролировать бизнес и власть стали бы более широкими. Но это создаёт опасности, риски для власти. Этого не хотят.

— Когда возникают разговоры о кризисе, люди больше всего боятся того, что происходило в 1990-е годы. Сейчас такие глобальные кризисы возможны?

— Таких масштабов кризиса не будет. Кстати, кризис конца 1990-х годов был связан главным образом со слабостью российской экономики в части валютных резервов. Была глубокая перестройка, цены на нефть были очень низкие.

Сейчас капитально отличная обстановка. Нет оснований для таких глубоких провалов. Не забывайте, что и кризис 2008 года был обусловлен серьёзными переменами. Он произошёл через восемь лет после того, как начались реформы, когда Россия была на самом краю. Конечно, тогда было тяжело. Мы переживали глубокую перестройку, переход от плановой экономики к рыночной, а сейчас этого нет.

— Санкции в отношении России со стороны стран Евросоюза предполагают всё новые ограничения. Может ли это серьёзно сказаться на нашей экономике?

— Подорвать серьёзно позиции России они не могут, но трудности создают, и эти трудности большей частью связаны с тем, что они ограничивают возможности кредитования и привлечения средств на Западе. Они налагают ограничения на каких-то людей и какие-то компании, которые в противном случае могли иметь большие возможности. Например, «Роснефть», «Газпром». Это для них ограничения. Возможно, они ещё будут усиливаться. Но, как правило, санкции не адресные. Сказать, что под них подпадают одни или другие отрасли, нельзя.

На санкции Евросоюза мы стараемся найти ответ. Раз на нас наезжают, то и нам нужно наехать. И мы проводим эмбарго на импорт продовольственных товаров высокого качества. В результате наносим ущерб и тем странам, которые нам продавали это, и своему населению, которое покупало эти товары. Мы создаём ограничение спроса. Это довольно неприятные вещи.

— По-вашему, российские ответные санкции — какой-то непродуманный ход?

— Это прямой ущерб российской экономике. Я полагаю, что все эти решения о санкциях носят политический характер и, стало быть, ориентированы на тот вред, который нанесут противной стороне. Но потом оказывается, что они наносят вред не столько противной стороне, сколько самим себе. Не вижу, чтобы в этом была какая-то необходимость.

Теперь возникает такая обстановка, что какие-то патристические граждане говорят, что они готовы носить немодные вещи плохого качества, не есть, лишь бы страна родная процветала. А зачем это родной стране? Наша страна проводила реформы и воссоздавала рыночную экономику, чтобы улучшить жизнь граждан. Зачем нужны ответные санкции, если это ведёт к ухудшению жизни российских граждан? Эффект от них только тот, что те страны, которые продавали свою продукцию в Россию, теперь сделать этого не могут. Они должны искать других покупателей. А потери России являются платой за то, что кто-то другой понесёт ущерб.

Представьте себе, вы развиваете рынок. Для чего? Чтобы повышалась производительность, повышалась интенсивность хозяйства и выигрывали все. А если вы хотите нанести ущерб и вы наносите ущерб вашим соседям и себе, это игра, которая никому не приносит пользы. В такие игры в наше время играть нельзя.

— С санкциями связывают и ослабление рубля. Предполагается, что в перспективе давление на рубль сохранится.

— Происходит спокойное падение рыночного курса рубля. У этого явления есть свои позитивные моменты, есть свои негативные моменты.

Позитивный момент состоит в том, что чем ниже курс, тем выше конкурентоспособность российских товаров. Это не зависит от нас, но это так. Можно воспользоваться случаем и выйти на рынки со сравнительно дешёвыми, но качественными товарами.

Конечно, есть и минусы. Если запасы у вас рублёвые, вы теряете возможность приобретения товаров за рубль, потому что вы купите на эти же средства меньше товаров.

— Как нам действовать в такой ситуации?

— Если у вас рыночная экономика, вы должны проводить такую политику, чтобы рыночная экономика работала

всё более эффективно. Наносить ей вред не резон. Потому я и считаю, что наши санкции носят вредный характер — меньше рыночной экономики, меньше выгод, и что?

Мы выигрываем только в политическом отношении. Мне это не нравится. Я сам участвовал в рыночных реформах и был глубоко убеждён, что мы можем поднять эффективность российской экономики, внедряя рыночную экономику, потому что она даёт больше возможностей для сбыта, создаёт конкуренцию и позволяет зарабатывать. Нам, как говорится, беднеть ни к чему.

— В Пермском крае уже давно обсуждается вопрос о налоговых льготах. Ваше видение — насколько они эффективны?

— Если налоговые льготы применяются, наверное, есть какие-то мотивы. Правда, я не знаю, какие могут быть мотивы у богатого края, который торгует в больших объёмах нефтью, у которого сильная машиностроительная промышленность. Какие вам льготы нужны?

Это манера такая — портить экономику, каждый раз выбивая какие-то льготы. Ну, давайте. Если можно найти чиновника, который проникнется вашими интересами, то можно и выбить льготу.

Я против льгот. Считаю, что льготы такого типа могут предоставляться не тогда, когда их спрашивают какие-то предприятия, а когда государство заинтересовано в проведении определённой структурной политики. Ему нужно, чтобы развивалась, предположим, ракетно-космическая область. В этом случае ещё лучше субсидировать отрасль. Не надо льгот, от этого портится экономический климат.

— Недавно в Пермском крае лишили лицензии один местный банк (Экопромбанк — ред.). Высказывались предположения, что такая судьба ждёт все региональные банки. Думаете, у них есть шанс на выживание?

— Если так говорят, значит, обстановка для развития банковской системы неблагоприятная. Чем это мотивировано, мне не понятно. Возможно, есть какие-то убеждения в руководстве банковской системы, где-то в Центральном банке РФ — ликвидировать мелкие частные банки. Это неправильно, в принципе неправильно. И я так думаю, такой задачи Центробанк перед собой не ставил.

Я бы не стал говорить: давайте позакрываем все частные банки под тем предлогом, что они что-то не так делают. Глубоко убеждён в том, что российская банковская система пресыщена государственными банками. Слишком много места они занимают. А то обстоятельство, что эти банки лучше, потому что у них большие активы, довольно серьёзное заблуждение. Вопрос в эффективности, а не в том, сколько вы набрали государственных средств. ■